

КАСИМОВСКІЯ

ПОВѢСТИ

И

ПРЕДАНІЯ.

ПИС.

А. А. Павловымъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.

1836.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаваніи представлены
были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.
Москва. Сентября 3 дня 1836 года.

Ценсоръ *Болдыревъ.*

Прежде, нежели я приступлю къ продолженію Касимовскихъ Повѣстей и Преданій, я почелъ за необходимость объясниться съ почтеннымъ Читателемъ или Читательницею касательно изданія первыхъ двухъ частей.

Онѣ печатаны во время моего отъѣзда изъ Москвы, и потому въ нихъ вкралось много опечатокъ и ошибокъ, которыя поправить уже никакъ нельзя.

Важныхъ опечатокъ не много, которыя однакожь не могли бы быть, если бы я самъ разсматривалъ корректуры; и потому я прошу снисхожденія у того, кто станетъ читать мои Повѣсти.

КАСИМОВСКАЯ ЯРМАРКА.

Подлѣ сѣнѣ спариннаго дѣвичьяго монашья во имя Пресвятыя Богородицы съ первыхъ чиселъ Юля спроща палашки, шапры на довольно обширномъ пространствѣ. Эши палашки

или шатры большею частію лубошные, внутри обитые разноцвѣтными обоями, идушь въ нѣсколько линій и образуюшь два длинныхъ корридора. Каждая палатка отдѣляется отъ другой лубошною перегородкой.

Ширина корридоровъ не соотвѣствуетъ длинѣ ихъ; они узки, темны, шѣмъ болѣе, что покрышы рогожами на случай дождя.

Ярмарка начинается съ осьмага числа Іюля, по ешь со дня Казанской Божіей Машери, и продолжается недѣли двѣ, смотря по тому, какъ торговцы распродадушь свои шовары.

На ярмарку съѣзжаюшя купцы изъ другихъ городовъ: Рязани, Владиміра, Муроза, Элашмы съ своими богатшшвами и занимають пригошовленные палатки.

Посмотрите: чего шушь ивѣшь! Что вамъ нужно, все найдете, шолько съ

небольшимъ ущербомъ для кошелька. За провозъ, за хлопошы шовары продаются дороже обыкновеннаго.

Взойдемше въ ряды опъ большой или Соборной улицы; пройдемше сперва рядъ подлѣ спѣнъ монастыря.

Первыя палашки заняты галаншерейными вещами. Въ эшихъ лавкахъ вы можете сыскашь все, что шолько нужно для вашего роскошнаго шуалета: богатыя зеркала высокой опдѣлки; бронзовыя жирандоли, вазы съ искусными цвѣшами, напоенными арамощическими духами; сервизы серебряные и фарфоровыя опличной работы; разные ящички для духовъ, помады, для работы и для разныхъ разносшей. Въ эшихъ лавкахъ множество серебряныхъ вещей, какъ на примѣръ: гребни, ножи, вилки, вазы, ножницы и прочее. Тутъ также есть разные шкани, драдедамы, шали, плашки, зоншы, пер-

чашки. . . . Однимъ словомъ, здѣсь все, что только вамъ нужно.

Далѣе торгуютъ сукнами разныхъ цѣвъ, пошомъ нѣсколько лавокъ чайныхъ. Эшою торговлею большею частію занимаются Ташары.

На другой сторонѣ, напрашивъ, идутъ лавки холщевыя и далѣе по эшой линіи веревочныя и мыльныя.

Теперь перейдемъ въ другой рядъ, параллельный первому.

Въ эшомъ ряду торгуютъ Ташары: шалями, плашками, халашами, маперіями шерстяными и шелковыми, коймами для шалей и плашковъ; продаютъ разные шканые башмаки и чулки; Ташарское, такъ называемое, душистое мыло.

Подлѣ эшихъ лавокъ находяшся лавки съ духами и помадою и вообще съ косметическими поварами.

За ними слѣдуетъ Панская линія.

Тутъ продаюшся кашемиры, бумажныя машеріи, ситцы, холстинки, нанка, кипайка, выбойка, холстина, шерсть и шелкъ.

Въ этой линіи также есть суконныя и галаншерейныя лавки.

Между галаншерейными лавками замѣчательна одна лавка иностранца, должно быть Нѣмецкаго Жида. Въ ней всего много; но только это все едва ли можешь составить что нибудь.

Хозяинъ или Г-нъ Жидъ большой шарлапанъ. Торгуешь разными вещами весьма худой опдѣлки. На примѣръ у него лорнеты или очки отъ двадцати до пятидесяти рублей такія, кошоры въ Москвѣ продаюшся не выше рублей пшнадцати.

Помада въ два рубли хуже рублевой.

Ножницы, ножики и другія спальныя вещи выдаюшся за Англійскія,

погда какъ онѣ работаны въ Туль или на какой нибудь другой фабрикѣ.

У эшаго шарлапана разыгрывается лоперея или шакъ называемое колесо счастья. Подается реэспръ, въ кошоромъ обозначены разыгрываемыя вещи не свыше двухъ рублей. Кшо хочешъ играшь, шомъ берешъ шарикъ, лежащій на колесѣ счастья и кидашъ его на колесо, на кошоромъ нарисованы бѣлыя и красныя полосы, на подобіе лучей. Если шарикъ ошановишся на бѣлой полосѣ, шомъ вещь выиграна; если на красной, проиграна.

И въ шомъ и въ другомъ случаѣ шарлапанъ выигрываетъ.

Чшобъ играшь въ лоперею, вы плошше два рубли. Если вы выигрываете, шомъ и получаете вещь, не дороже двухъ рублей; слѣдовашельно разыгрывающій ни мало не въ убыскѣ. Онѣ

вещь выигранную продашь бы, можешь бышь, и дешевле.

Впрочемъ должно сказать, что колесо счастья очень бываетъ несчастливо для играющихъ въ лоперею: выиграешь шакъ рѣдокъ, какъ хорошая вещь у Г-на Нѣмца въ его модной лавкѣ.

Далѣе слѣдуютъ лавки съ кожевенными поварами. Тутъ вы можете найти прекрасный сафьянъ, кошорый выдѣлывается въ самомъ Касимовѣ; хорошіе сапоги, башмаки и другія вещи.

Потомъ слѣдуютъ лавки сальные и шорныя: свѣчи, сало, упряжь, чемоданы, шюфяки — вещи, шакже очень нужныя.

Въ линію же находящаяся лавки мѣховыя.

Такъ какъ я не чувствовалъ холоду въ двадцать градусовъ жару, по по этому случаю и не могу сказать, богаты ли эти лавки мѣхами.

Вошь вамъ, кажешся, и все. . . .

Да, нѣшь! нѣшь! Сдѣлалъ было большую и преужасную бѣду!

Прошедши ряды, вы увидите небольшой деревянный домикъ и въ немъ-то средопочіе всѣхъ модъ и новосшей! Прошу покорно, зайдите въ эшопъ домикъ, въ окнахъ кошораго сшояшъ на сполбикахъ женскія шляпки, чепцы. И шакъ вы ужъ догадались: эшо модная лавка.

Прошу покорно, войдите въ нее.

На ворошахъ домика вывѣска, а внизу имя и фамилія масперницы.

Въ эшой модной лавкѣ я нашель много новаго и спараго. Посѣшпшелей и посѣшпшельницъ не шакъ много, бышь можешъ, по тому, чшо не слишкомъ вѣряшъ словамъ: модная лавка, модная шляпка, шѣмъ болѣе, чшо и содержашельница магазина Русская.

Напрошивъ я много встрѣчалъ посьпителей и посьпительницъ въ другихъ лавкахъ, особливо галаншерейныхъ.

Ярмарка въ Касимовѣ почиается торжественнымъ праздникомъ, и пошому Касимовцы наряжаются въ лучшія плашья, ѣздяшъ, разумѣется, кшо только имѣешь возможность, въ лучшихъ экипажахъ и другъ друга спараются перещеголяшъ.

Передъ рядами, на песчаной площади, стояшъ экипажи: карешы, коляски, дрожки, линей. Много шакихъ экипажей, кошорыя обрашили бы на себя вниманіе и въ столицѣ; на примѣръ: кареша, запряженная въ шесть лошадей Гвардіи Полковника Бар... Кареша шестернею же помѣщика Г. Кареша чепвернею Полковника Н. Кареша помѣщика З.... Коляски купцевъ Бар... Ташарки Е... и много другихъ, фамиліи кошорыхъ мнѣ неизвѣсны.

На это время въ Касимовъ съѣзжающія помѣщики изъ сосѣднихъ городовъ; и потому въ это время въ Касимовъ приѣзжихъ очень много; и потому Касимовъ въ это время щеголяетъ модою. Съѣхавшіяся красавицы стараются другъ передъ другомъ выказать свои моды, богатства и красоту.

Посмотрите пожалуйста на эту пеструю толпу, которая пѣснится въ рядахъ и хлопочешъ для собственныхъ своихъ выгодъ.

Сколько шупъ разнообразныхъ лицъ, костюмовъ, нарѣчій, языковъ!

Въ этомъ хаосѣ встрѣшите: Русскаго, Тапарина, Цыгана, Нѣмца—шарлапана, показывающаго какіе нибудь фокусы, Жида съ плюшевскимъ лицомъ. Рязанцы, Володимірцы, Москвичи безпрестанно шрусся другъ съ другомъ,

и нарѣчія опличають ихъ. Я разумью шуть прослоудиновъ.

Также услышите звучныя фразы Французскаго языка, на кошоромъ изъясняюшся всѣ лучшія посѣпшельницы.

А сколько ихъ?

Посмотрите! Какія свѣжія, полныя жизни лица! Какъ пышны, величественны спаномъ! Онѣ дѣши деревенской проспоты, воспитанницы семейнаго попечительсшва и благодравія, и ошъ того въ ихъ лицахъ нѣшъ упомленія, изнеможенія; нѣшъ во взгдахъ хипросши, лукавсшва. Ихъ взглядъ, брошенный на кого нибудь, не значипь шо, чшо значипь онѣ въ большомъ свѣтѣ.

Ахъ! какъ онѣ милы, просподушны! Ихъ нравы непорочны, невинны; онѣ шихи, какъ голубицы.

Бышь можешъ, я сказаль много. По крайней мѣрѣ, если можно судипь по

наружности, но я не обманываюсь и готовъ подтвердить мои слова.

Довольно объ красавицахъ. Обращаюсь опять къ ярмаркѣ.

Мы съ вами обошли почти всѣ ряды, пересмотрѣли всѣ лавки и все, что только достойно примѣчанія.

Объ одномъ я не упомянулъ: о комедии. И здѣсь выспроенъ, или, лучше сказать, пославленъ холстинный балаганъ, въ кошоромъ показываются, по словамъ Касимовцевъ, *чудесныя чудеса!*

Въ самомъ же дѣлѣ, какъ можно узнать изъ рассказовъ, эта комедія въ самомъ дѣлѣ комедія: тушь всѣ глупости сосредоточены вмѣстѣ! Тушь показываются фокусы, куклы плясуньи: языкъ ихъ пискливо-жалкій раздаешся и за балаганомъ; паяцы — забавники, чудесная лошадь, кошорая узнаешъ, кто всѣхъ старѣе, глупѣе, умнѣе,

пьянѣе и презвѣе. Эшо, въ самомъ дѣлѣ, чудесно! Завидное живошное!

Просполюдины очень охотно плащяшь: пяшь, десяшь копѣекъ и восхищающя ошъ души.

Въ Касимовѣ эшошъ шаперъ называешя *театромъ механическимъ*.

На Касимовскую ярмарку привозишя шоваровъ, какъ полагающъ сами шорговцы, шысячъ на сто, иногда и болѣе. Продаешя шысячъ на пяшьдесяшь; и эшо почишаешя счастливымъ шоргомъ.

Въ продолженіи ярмарки всѣ закупающъ себѣ въ годъ, чшо имъ нужно, пошому чшо многіе, живя въ деревнѣ, не имѣющъ возможности купишь въ иное время.

1836 Іюля 27.

ВЕЧЕРЪ НА ОКЪ.

I.

Тихо, непримѣнно ясное солнце склонялось къ Западу. Небольшія облака, окойменныя его пурпуровыми лучами, составляли правильную аллею, между которой проходило солнце.

Легкій вѣсперокъ опрадно вѣялъ въ воздухъ шеплошою и едва, едва спруиль спокойныя, криспальныя воды Оки. Въ нѣкопорыхъ мѣспахъ онѣ да же были совершенно покойны и могли бы служишь вѣрнымъ зеркаломъ для непричудливой деревенской красавицы.

Благословенные луга Касимовскіе, обильные шучною шравою, ожидали косцевъ; золѣшисшыя колосья, на подобіе безчисленнаго множешва копій, бодро красовались по долинь. Кой гдѣ распущіе куспики песприли и разнообразили каршину.

Тамъ, въ недалнемъ разшояніи опъ берега, красуюшся мызы Касимовскихъ помѣщиковъ. Деревенскіе храмы, привлекашельные своею проспощою, виднѣюшся между деревьевъ. Романическое мѣспоположеніе, изгибы Оки, шуманная, непроницаемая опдаленность, все

наполняешь душу упоительнымъ чувствомъ.

Въ такомъ расположеніи духа я приближался къ берегу Оки, спускаясь медленно по гористой Касимовской большой площади. Впереди меня шли чешыре дамы, при лѣшъ по семнадцаши; а чешвертая лѣшъ придцаши. Они всѣ были прекрасно одѣшы.

Я шель опъ нихъ въ недалнемъ разстояніи, и пошому могъ разглядѣшь моихъ спущницъ.

Какъ шеперь гляжу на ихъ прелеспныя, очаровашельныя лица, запечашлѣныя необыкновенною красошою. И шеперь еще памяшень взглядъ одной изъ младшихъ красавицъ, взглядъ, полный чувешва, жизни, подобный шѣмъ взглядъ, кошорые разжигашуть сердца, кипяшашуть юношешкую кровь и напояшуть ее спрасшшою, неугашаемою любовію.

Три младшія красавицы шли, сплещись руками, впереди мужчины, копорый вель подь руку даму, спаршую прочимъ.

Пришедши къ шому мѣспу, гдѣ находилса Рязанская заспава, спупницы приоспановились, полюбовались нѣсколькo времени мѣспноспію, бросили взглядъ на Касимовъ, раскинушый по скашу горы, и пошомъ опсправились на небольшой моспъ, проведенный чрезъ оврагъ, и пошли подлѣ берега.

Я между шѣмъ опередилъ ихъ и увидѣлъ, что мужчина былъ уже лѣшъ преклонныхъ, съ благородной наружноспію. Шею его украшалъ орденъ Св. Анны вшорой спепени; въ пешлицъ фрака висѣлъ Георгіевскій Офицерскій креспъ. Съ эшой минушы я почувспвовалъ особенное уваженіе къ почшенному Кавалеру, нѣкогда проливав-

шему кровь свою за Вѣру, Царя и родину.

Онъ, какъ казалось, былъ опцемъ эшаго прелестнаго семейства. Младшія красавицы не рѣдко съ нѣжноспію обращались къ нему, дѣлая замѣчаніе на какое нибудь мѣсположеніе.

Если бы кто нибудь спросилъ меня: кто изъ шрехъ младшихъ красавиць лучше наружноспію? Я, право, не зналъ бы, что опвѣчать; и если можно было, то предспавилъ бы на судъ всего свѣша.

Спаршая изъ нихъ, лѣшь осьмнадцатьши, одарена опъ природы прелестнымъ меланхолическимъ лицемъ, покрышымъ привлекашельною блѣдноспію. Очаровашельные глаза, небесно-голубаго цвѣша, помно смопрѣли на всѣ предметы. Правильный окладъ лица, малиновыя уста, Греческій носъ, привѣшныя, ми-

лыя движенія, все правишься въ прелестной старшей красавицѣ.

Средняя, лѣтъ семнадцати или мо-
ложе, также прелестна. Ея милое, про-
сподушное лице, свѣшлые, бѣглые глаз-
ки, быстрое, свободное обращеніе, жи-
вая походка обращали вниманіе каж-
даго на среднюю красавицу.

Младшая — красавица въ полномъ
смыслѣ. Съ чего начашь и какъ опи-
сашь поршрешь ея? Какъ изобразить
привлекательность ея лица, очарова-
тельные, свѣшлые, искромешные глаз-
ки, сладоспращныя уста, общаю-
щія горячій, невообразимый поцѣлуй?
Какъ представишь роскошную, пыш-
ную грудку, кошорая заманчиво вол-
новалась подъ прозрачнымъ покровомъ
груди?

А прямой, лилейный станъ ея? А
гордая пошпуть? — Нѣшъ, нѣшъ; кля-
нущь всѣмъ священнымъ, она рѣдкая

находка для того, кто назоветъ ее своею супругою, милою подругой сердца!

Если бы вы видѣли, какъ слѣдовавшій за ними юноша приспально, внимательнo слѣдилъ всѣ движенія ея; какъ ловилъ каждый взглядъ. Кажешся, онъ хошѣлъ вдохнуть въ себя ея образъ; она сославляла въ шѣ минушы бышiе его.

Между шѣмъ они шли по берегу Оки и приближались къ богашому дому Касимовскаго купца Бар. Въ это время вдругъ раздающся стоны. Первый услыхаль ихъ юноша; вздрогнулъ онъ и кинулся къ берегу.

Посреди Оки бился кто-то, плывшій съ прошивуположнаго берега.

Молодой человекъ съ участіемъ смотрѣлъ на утoпавшаго. Но не онъ одинъ принималъ участіе въ несчаст-

номъ положеніи его, и красавицы также раздѣляли его, особливо младшая; ея свѣшное личико опуманилось, глазки искрелись слезами.

Молодой человекъ, казалось, искалъ лодки, чтобы кинуться на помощь. Въ это время приблизился къ нему солдатъ, состоящій въ гарнизонной службѣ.

» Лодку! Подай помощь несчастному! « вскричалъ молодой человекъ.

Служивый кинулся въ ближній домъ, взялъ шамъ пару весель и скоро побѣжалъ съ крушаго бѣрега къ стоящей лодкѣ.

Молодой человекъ просилъ служиваго спѣшить скорѣе на помощь.

Красавицы также внимательнo смотрѣли на печальную сцену; ихъ лица, ихъ глазки выражали неперпѣніе; казалось, онѣ хотѣли кинуться сами въ лодку къ несчастному.

А младшая красавица гопова была плакать, вскрикнуть и даже упасть въ обморокъ при малѣйшемъ спонѣ несчастнаго.

Съ каждой минутой положеніе его становилось ужаснѣе; силы его при-мѣтно ослабѣвали, плаваніе его неправильно; удары ногъ, взмахи рукъ не-дѣйствительны и голова безпрестанно окуналась въ воду; съ каждымъ мгнове-ніемъ онъ ослабѣвалъ и вдавался въ опасность.

» Бапюшки! помогите! Тону! тону! « кричалъ несчастный, и голосъ его былъ ужасенъ и дикъ.

Между тѣмъ лодка спѣшила на по-мощь. Солдашъ быспро разсѣкаетъ спокойныя воды Оки. Оспалось сажень шесть.

Несчастный силился, быспрѣе и чаще ударяетъ, руками и ногами; но

дунуль въсперъ, нахлынуль валь ему на голову и покрыль его. Замѣтно было, что утопавшій поспѣшно перекрестился и опустился въ воду.

На шомъ мѣстѣ образовался кругъ, пошомъ онъ распался въ полукруги и наконецъ ничего не было замѣтно! Онъ ушонуль.

Въ шуже минушу, когда несчастный погрузился въ воду, лодка подплыла къ эшому ужасному мѣсту.

Спарый служивый хопѣль было сняшь мундиръ, чшобы кинушься на дно за ушопленикомъ; но онъ самъ, върояшно, собравши послѣднiя усиля, вынырнулъ изъ воды и схватился за лодку.

» Спасень! спасень! живъ! « раздались голоса, и на лицѣ молодаго чловѣка заблiстала радость, и эша радосшь была вѣрнымъ доказательствомъ его доброшы сердечной.

А красавицы? — Онъ торжественно смотрѣли другъ на друга и, кажешся, готовы были молиться Богу за спасеніе погибавшаго.

Младшая бросила взглядъ на юношу, какъ бы хотѣла доказать имъ, что онъ виновникъ спасенія несчастнаго.

Молодой человекъ былъ, какъ казалось, въ упоеніи; онъ готовъ былъ, что бы въ эту минуту подвинулись на него всѣ силы ада, обсавили его всеми ужасами и открыли бы съ нимъ жестокій бой. Онъ презрѣлъ бы его, разрушилъ бы всѣ препоны, чтобы послѣ принять такой взглядъ.

Между тѣмъ солнце уже сѣло.

Пурпуровый отблескъ его разлился по кристальнымъ облакамъ, копорья, подобно чешуйчатой брони выпязя, разкидывались по лазурному небосклону.

Вдали показывалась луна, гордая, величественная и опуханенная сладоспрасшною задумчивостію. Она разливала нѣгу, упоеніе, наслажденіе; она виновница того, что въ присущствіи ея совершаются дѣла дивныя, дѣла, копорья покрыты тайною завѣсою, копорья могли бы составить занимательную повѣсть.

Луна подымалась, взошла на полнеба и успремила чело свое въ воды Оки. Она любовалась, казалось, собою, любовалась и была довольна; она смѣло бы спросила: что и кто съ мною можешъ сравнишья красою? По чему обожаютъ меня многіе милліоны людей? По чему воспѣваютъ поэты въ своихъ чудесныхъ пѣсняхъ мое величество, красоту, и кто изъ смершныхъ доспойно восхвалилъ меня?

Горняя красавица бросала отблескъ

свой на красавицу земную—младшую красавицу изъ шрехъ.

Она, казалось, еще была очаровашельнѣе, еще опаснѣе для сердца внимательнаго юноши, слѣдовавшаго за нею.

Почтенное, прелестное семейство ворошилось и пошло по прошедшей дороге.

Молодой человекъ слѣдовалъ за нимъ до самаго дома, въ которомъ оно остановилось.

Кончился эшотъ очаровашельный вечеръ. Туманъ ночной облекъ окрешность. Красавицы, сидѣвшія подлѣ окна, удалились, и юноша пошелъ опъ посюялаго завѣшнаго двора медленно, медленно.

Я долженъ предупредишь почтенныхъ чшашелей, что эшо почтенное семейство пріѣхало въ Касимовъ по случаю ярмарки и остановилось на одномъ изъ

лучшихъ поспоялыхъ дворахъ Касимо-
ва.

Произшествіе, описанное мною, случилось въ концѣ ярмарки; и потому рано ушрѣмъ молодой человѣкъ, прогуливаясь подлѣ поспоялаго двора, гдѣ ошпановились красавицы, увидѣлъ, что ошличная кареша, запряженная лихою шеспернею рыжихъ, бодрыхъ коней, помчалась по улицѣ къ Элапмовской заспавѣ.

Онъ долго споялъ, какъ окаменѣлый и смосрѣлъ на уѣзжающихъ, и наконецъ изгибъ дороги соккрылъ ошъ него экипажъ съ сущесствомъ любезнымъ.

Юля 16 числа

1836 года. Сельцо У-во.

МЕЧТА И СОНЪ.

II

Было десять часовъ вечера, когда я шель по большой или Соборной Касимовской улицѣ къ Рязанской заспавѣ.

Въ окнахъ обывашельскихъ домовъ горѣли свѣчи, въ иныхъ мелькали про-

Фили головъ; но на улицѣ была тишина. Вспрѣчающихся мало.

Ночной сумракъ, облекшій подлунное царство, скрывалъ не только отдаленные, но и близкіе предметы.

Въ душѣ чловѣка иногда проявляется такое чувство, которое ищетъ ненарушимаго покоя, которое заставляетъ погрузиться чловѣка въ самозабвеніе, въ нѣкоторое состояніе усыпленія, и которое въ тѣ минуты обладаетъ имъ.

Это преобладающее чувство называется *мечтательностію*. И потому мечтательность тогда только обладаетъ чловѣкомъ, когда ничто не препятствуетъ, когда *внѣшній* покой способствуетъ внутреннему успокоенію.

Два рода мечтательности:

Мечтательность бурная. Въ душѣ злодѣя мечтательность также ужасна, какъ и его злодѣйства. Въ душѣ спра-

дальца, челоуѣка, угнѣшеннаго жеспю-
кимъ жребіемъ судьбы, его мечпы пак-
же бурны, какъ и пѣ произшеспвія,
копорыя раздружили его съ міромъ.
Ему и сонъ не сладокъ, и въ немъ не
сыщесп онъ покоя! Въ душѣ несчаст-
ливца, копорому нѣпъ ни въ чемъ
удачи, копораго всѣ предпріятія раз-
рушающся, не исполняющся по желанію,
его мечпашельность бурна, не спокой-
на; онъ рощесп на судьбу; онъ боип-
ся ввѣрипся ей, и попому не опдаеш-
ся съ сладкою надеждою мечпамъ сво-
имъ.

Мечпашельность *тихая, сладкая.*

Эта небесная геспья лелѣипъ лю-
бимыхъ дѣшей природы; она очаровы-
ваешъ ихъ божеспвеннымъ свѣпомъ,
предспавляешъ все, весь міръ въ перво-
образѣ и заспавляешъ сердца оощащъ
наслажденіе, упоеніе невыразимое.

Тѣ минушы, когда посѣшипъ *тихая*

мечшашельность, ни съ чѣмъ не сравненны; она шакъ пріятна шому, кшо ея ощущаетъ, какъ пріятна могила спрадальцу, въ кошорой онъ найдетъ конецъ бѣдамъ своимъ и шихое, сладкое приспанище.

Мечшы праведника, кошорый, созерцаѧ чудеса природы, находить въ нихъ отблескъ шого первообраза, къ кошорому спремѧщая душа его и мечшы. Взгляните на лице его, что вы на немъ прочтете?—улоеніе душевное, самодовольствіе.

Мечшы счасливца шакже сладки, какъ и произшествія, кошорыя ему благодѣшельствують. Онъ улыбается во снѣ и шепчетъ сладостно: *счастіе!*

Но съ чѣмъ сравнится мечшашельность юности?

Когда она, избалованная счасіемъ,

осыпанная всѣми дарами природы, бесѣдуешь съ своею пихою мечпою, по весь міръ, все существующее позабываешься и, одинъ предметъ, копорымъ она преисполнена, занимаешь ее ; и эша - по мечпашельность напоешь сердце чувшвомъ сладкимъ, невыразимымъ; шогда, кажешся, не существуешь юность, не носишь земныхъ оковъ и вишаешь съ своимъ идеаломъ въ мѣспѣ неприсшупномъ, куда шолько можешь залешѣшь шихая, сладкая мечпашельность.

Иногда мы видимъ, что человекъ задумчивъ, и говоримъ ему: о чемъ вы мечпашаете?

Это совершенно не справедливо!

Задумчивость никогда не можешь быть мечпашельностию и мечпашельность задумчивостию.

Задумчивость шогда обладаетъ человекомъ, когда онъ обдумываетъ по,

что непременно должно исполнить ему для улучшения его состоянія, когда заботы обременяють его. Задумчивость родная сестра бурной мечшательности и совершенно чужая мечшательности тихой, сладкой.

Мечшательность тихая никогда не производитъ ошь заботъ, но ошь полношы душевнаго наслажденія, счастья и благополучія. И пошому лице мечшающаго покойно, ошьнено тихою радостію; задумчиваго же опуманено заботливостію, безпокойствомъ.

Мы большею честію видимъ задумчивыхъ и очень рѣдко мечшающихъ.

Если бы кто нибудь увидѣлъ меня въ то время, когда я шель, какъ упомянуто выше, Соборною улицею, то сказалъ: онъ мечшаетъ!

Я былъ шочно въ такомъ счастливомъ и опрадномъ состояніи. Мечша

сладкая преобладала моимъ чувствомъ: мечта о Виновникѣ видимаго, чудеснаго міра занимала меня.

Я взиралъ на синее небо, перепоясанное блѣдноватымъ опблескомъ лучезарныхъ звѣздъ, глядѣлъ на группу опуманенныхъ облаковъ и любовался полумѣсяцемъ, копорый виднѣлся сквозь ихъ и коймилъ края ихъ желтовашо-блѣднымъ узоромъ.

Я замѣчалъ, какъ распадались эпи облака, какъ выплывалъ *задумчивый* мѣсяць, озабоченный проливать свѣшъ на опуманенную ночнымъ сумракомъ природу.

Его задумчивое чело было величественно, гордо. Его шествіе было пышно, какъ шествіе чудеснаго героя древности въ храмъ Юпитера Аммона.

Онъ съ высоты недосягаемой проливалъ свѣшъ на высоту, близъ и опда-

ленность; онъ открывалъ передъ глазами того, кто, подобно мнѣ, любовался природой: картины дивныя, чудесныя, божественныя. Онъ напоследокъ переполнялъ сладкое чувство сердца, мечтательность, еще сладостнѣйшимъ и упоительнымъ ощущеніемъ.

Я тогда былъ счастливѣе всѣхъ Царей въ мірѣ. Я забывалъ тогда обо всемъ земномъ; шѣлесныя оковы съ меня спали и душа моя носилась гдѣ-то въ мѣстѣ чудномъ, невыразимомъ.

Міръ и люди были забыты.

Магическая сила сладкой и тихой мечтательности очаровали меня чудными видѣніями; и вошь одно, кошорое оспалось у меня въ памяти.

Посреди небесъ распались своды.
Свѣшь лучезарный, ошблескъ величія Ве-

ликаго возсіялъ дивнымъ блескомъ. Мѣсяць померкнулъ ошъ эшаго дивнаго сіянія. Все поднебесье мгновенно озлашилось. Земля, какъ днемъ, ошкрылась во всей красошъ своей.

Не было ни солнца, ни мѣсяца, ни звѣздъ; но свѣшло было шакъ, какъ въ ясный лѣшній день.

Раздается гармонія—гармонія духовъ горняго міра. Свѣшное облако плывешъ медленно по эиру, и, казалось, что небесная гармонія раздавалась за нимъ.

Не далеко оспавалось плышъ облаку до земли; но оно мгновенно разсѣялось, какъ ушренный шуманъ, и предсшавилось чудное видѣніе.

Небо и земля не сущешвовали.

Царство вѣчнаго счастія, радосшей ошкрылось во всемъ величіи. Небесная гармонія носилась въ воздухъ; но ошкуда происходила она—неизвѣшно.

На пронѣ радужномъ възсѣдала прелестная дѣва. Чело ея было покрыто прозрачнымъ, изъ чистыхъ пелень яснаго, свѣшлаго облака, покровомъ. Тихій зефиръ игралъ и спруилъ ея волнистые власы, перевишые цвѣтами невиданными.

У прона рѣзвились зефиры и поддерживали его. Невѣдомая одной рукой держала покровъ, а другою показывала на небо.

Я видѣлъ это, но не чувствовалъ: чувства не было; бышіе земное меня оставило.

Радужный пронѣ съ эфирною обипашельницею приближался ко мнѣ. Я паль на ко-лѣни и склонилъ голову къ его подножію.

Вдругъ голось взываетъ мнѣ:

» Вспань, смершный, и посмотри на величіе шого идеала, кошорый у смершныхъ называется *Надеждою*. «

И чья-то десница коснулась до головы моей.

Я вспаль.

Покрòва не было на челъ ея. Онъ носился, подобно свѣсплòму, лучезарному облаку, надъ главой ея.

Я взглянулъ на ея образъ и вспрѣшилъ улыбку неземную. Существо прелеспное было предо мною, и эспòто существо шакъ ласково, привѣспливо взирало на меня.

Я хòпѣлъ произнеспи слово, спросишь ея: гдѣ ея обишель? Но уста, окованныя чуднымъ видѣниемъ, нѣмѣли.

Я весь шòгда обрапился въ зрѣние, и глаза мои видѣли шò, чшò не вообразимо!

Я не могъ насмопрѣшья на ея дивное чело: оно шакъ было прелеспно. Я хòпѣлъ бы вѣчно любовашья ея пре-

леснями и вѣчно спояшь у ея подножія.

Она опяшь вѣщала мнѣ:

» Юноша! *Надежды* тебя часто лелеяшь; ты имъ ввѣряешься, и онѣ часто исполняются, и ты любишь свою надежду, любишь истинно и ни разу не измѣнилъ ей. И такъ люби ее! Береги въ своемъ юномъ сердцѣ, и я тебя не оставлю, и жизнь твоя съ *надеждой* будешь счастлива. Я спяну благословляшь тебя. «

Эфирная поѣшпшельница коснулась перспомъ своимъ, и я въ шу минушу почувспвоваль какое-то сладкое элекшричесшво. Я содрогнулся, и видѣніе пропало!

Мѣсяць по прежнему блиспаль на небѣ. Звѣзды горѣли. Я, мечшая о произшесшвіи, о видѣніи, возвращался домой и не могъ забыть до шѣхъ поръ, пока сонъ не сомкнулъ глазъ моихъ и не

заспавилъ забыть мечту—дщерь сладкой, тихой мечпашельности.

На другой день, рано утромъ, отправился я на берегъ Оки полюбоваться на ошплывающія суда, на пробуждающуюся природу и на восхожденіе солнца.

Тамъ я гулялъ нѣсколько времени.

Когда я возвращался домой, по карета, запряженная шестпернею рыжихъ лошадей, опличныхъ спашей, промчалась мимо меня. Я заглянулъ въ карету и увидѣлъ въ ней прехъ молодыхъ красавиць. Онѣ были слишкомъ молоды; старшая едва ли встрѣшила свою 17-ю весну.

Я долго смопрѣлъ на экипажъ.

Онѣ оспановилса подлѣ стѣнъ Двничьяго монастыря. Три красавицы, какъ легкія пшички, выпрыгнули изъ

карешы. За ними вышла среднихъ лѣтъ полная собою дама.

Я поспѣшно пришелъ на постоялый дворъ, въ кошоромъ остановился на нѣсколько дней для осмотра Касимова и ярмарки (это происшествіе случилось въ началѣ ярмарки, въ первыхъ числахъ Іюля), переодѣлся и отправился на ярмарку въ надеждѣ увидѣть прехъ красавиць.

Въ самомъ дѣлѣ я ихъ шамъ увидѣлъ.

Но предсавъше мое удивленіе!

Въ лицѣ меньшей красавицы я узналъ что-то знакомое, какъ бы недавно бывшее передъ моими глазами.

Я думуль, что меньшую красавицу видалъ когда-то въ Москвѣ, попому что чѣмъ болѣе смопрѣлъ на нее, шѣмъ болѣе ушверждался въ этой мысли.

Но вдругъ я вспомнилъ о видѣніи, вспомнилъ черпы лица эфирной обипа-

шельницы и съ удивленіемъ нашель ихъ въ совершенствѣ въ земной красавицѣ.

Я съ восхищеніемъ смопрѣль на ея невинно - прелестное лице, на ея свѣплыя блестящія очи и спарался, какъ бы вѣрнѣе замѣпипшь ихъ.

Но, кажешся, доспапочно одного взгляда на прелестное существо, чшо бы его не позабышь вѣчно!

Два дни пробыль я въ Касимовѣ, и въ два дни я видѣль безпрестанно красавицу.

Однажды я вслушался въ ихъ разговоръ, и узналь, чшо меньшую зовушь *Надеждою*: такъ называла сеспра ея.

Надежда, имя кошорой носиль я еще въ своихъ мысляхъ, являлась передо мною во время минупнаго моего упоенія, мечпательности и завѣщала, мнѣ любишь надежду и бышь ей вѣр-

нымъ; и съ того времени я полюбилъ мою *Надежду* еще болѣе и поклялся бытъ ей вѣрнымъ и надѣяшься на мою *Надежду*.

.
 Въ томъ домѣ, гдѣ остановился я, была тишина, ни чѣмъ не прерываемая. Мои часы показывали одиннадцать. Прелестная, свѣпная ночь наполняла собою все поднебесье.

Я сидѣлъ въ то время подлѣ окна и любовался полумѣсяцемъ, который блиспалъ прямо предъ нимъ. Чпо-шопакое тихое, сладкое шѣснилось въ головѣ моей и наполняло сердце радостию.

Я опять бесѣдовалъ съ мечшою и хошѣлъ мечпашь; но сонъ склонялъ меня.

.

Вдругъ я слышу шорохъ шаговъ. Обер-
 пываюсь назадъ и вижу передъ собою
 молодаго мужчину, хорошо одѣшаго.

— Чшо вамъ угодно! — спросиль я
 его.

» Мнѣ угодно васъ, М. Г. « ошвѣчалъ
 незнакомецъ голосомъ ужаснымъ, гнѣв-
 нымъ.

— Къ вашимъ услугамъ. Прошу са-
 дишься! — Незнакомецъ сѣлъ подлѣ ме-
 ня на стулъ, и вынимая медальонъ,
 спросиль:

» Посмотрите: чей это портретъ? «

— Если я не ошибаюсь, шой моло-
 дой и прелестной особы, копорая съ
 своими сестрами была нынче на ярмар-
 къ, пивѣчалъ я равнодушно.

» Вы угадали, это ея портретъ,
 ш. е. портретъ Надежды. Не правда
 ли, хороша она? « Голосъ незнакомца
 былъ удушливъ, лице выражало внуш-
 рецше волненіе.

— Я уже сказалъ вамъ, что она прелестна. Но къ чему все эшо?

» Къ тому, что мы должны спрѣ-
ляться! «

— Спрѣлясья? Спранно, М. Г., и
думашь объ эшомъ!—сказалъ я.

» Вы хошите сказашь не спранно,
а спрашно, можешь бышь, пошому
что вы прусы, и еще не имѣли ни од-
ной дуэли. «

— Я не знаю, что объ васъ поду-
машь; съ ума ли вы сошли, или вовсе
его не имѣли? За что мы спанемъ
спрѣлясья?

» За что? Я вамъ скажу. Вы видѣ-
ли Надежду? «

— Видѣль.

» Ходили за ней? «

— Я не за ней ходилъ, но вмѣспѣ,
пошому что весь городъ состоишь
шолько изъ двухъ рядовъ.

» Все равно. Вы ходили за ней. Вы и говорили, покупая ридикюль или кисешъ для табаку? «

— Говориль.

» За шо-шо и спанемъ спрѣляшьяся! «

— Помилуйте, М. Г., развѣ вамъ дано право наблюдать за дѣвицей Б?

« Да, сударь, я имѣю это право, пошому что люблю ее болѣе всего на свѣшѣ и портретъ ея ношу подлѣ самаго сердца. Но вы, М. Г., ваши спаранія, ваши пылкіе взгляды, однимъ словомъ, все доказывало, что вы въ нее влюбились! «

— Не-уже-ли кто можешъ запрешъ влюбиться? Развѣ это чувство повинуется законамъ? Не хошите ли вы мнѣ запрешить любить кого я хочу?

» Да! Я по этому-шо и хочу съ вами спрѣляшьяся! Вошъ исполешъ, возьмите; другой оспанешъ у меня.

Теперь ночь; насъ никто не увидитъ.
Не медлите. «

— Извините. Я не намѣренъ слу-
шаться сумасшедшаго, и лучше совѣ-
шую убраться изъ моей комнаты и
оставить меня въ покоѣ....

» Нѣтъ, нѣтъ! Я заспѣрю себя
шакъ, если ты не спанешь спѣлять-
ся со мною. «

Въ эту минушу лице его побагро-
вѣло, посинѣло, глаза засверкали, и онъ
мгновенно прицѣлилъ пистолетъ свой
къ груди моей.

Но тогда же распворилась дверь, и
вошелъ въ мою комнату лакей.

— Васъ барышня дожидается, — ска-
залъ лакей.

» Надежд А.....? Гдѣ она? « спра-
шивалъ помѣщенный, и пистолетъ вы-
палъ изъ рукъ его.

— Подлѣ воровъ здѣшняго поспо-
ялаго двора, — отвѣчалъ лакей.

Незнакомецъ поднялъ пистолешь и опромешью кинулся изъ моей комнаты.

Я посмотрѣлъ въ окно и увидѣлъ, что кареша, запряженная шестпернею, дожидалась подлѣ воротъ.

Мѣсяцъ въ эшо время свѣшилъ прямо въ карешу, и пошому я могъ хорошо разглядѣть сидѣвшую красавицу. Она была одѣша въ бѣлое плашье, головка убрана цвѣтами; на шеѣ блестялъ брилліаншовый крешъ; спарушка съ опврашипельною физиогномією сидѣла напрошивъ красавицы.

Незнакомецъ подбѣжалъ къ карешѣ. Лакей поспѣшно отперъ дверцы, и бѣлая, пышная рука красавицы пропянулась, чтобы принять незнакомца.

Онъ сѣлъ. Лакей, заперевши карешу, вскочилъ на свое мѣсто, и кучеръ спегнулъ лихую шестперню коней.

Мгновеніе, и кареша исчезла.

Вдругъ блеснула въ головѣ моей мысль скакать за карешою.

И пошому быспрѣе мгновенія былъ я уже на дворѣ и подшягиваль подпруги у моей лошади, копорая послѣ вечерней моей прогулки еще оспывала.

Въ нѣсколько минушъ я догналь карешу.

Въ правой споронѣ ошъ большой Касимовской дороги ешть заводъ С. Въ церкви, принадлежащей этому заводу, въ самую полночь было освѣщеніе необыкновенное. Священникъ въ рясѣ сшояль на паперши съ причешниками и, какъ казалось, кого-то дожидался.

Въ самомъ дѣлѣ, въ скоромъ времени кареша, запряженная шеспернею лошадей, ошановилась подлѣ церкви, и при лица вышли изъ нее.

Священникъ благословиль пріѣхавшихъ и повель во св. обипель. За ни-

ми желѣзныя двери заперлись, и кто-то прискакавшій не успѣлъ послѣдовать за ними.

Эпошъ кто-то былъ я.

Пріѣхавшіе въ каретѣ: незнакомецъ, красавица и шаруха.

Я принялся спучаться въ двери; но, какъ казалось, никто не слыхаль, или не хопѣлъ слышашь, и пошому, послѣ многихъ усилій, я спаль подѣ окномѣ и смопрѣлъ, что происходило въ церкви.

Подлѣ наоя, на кошоромѣ лежало Св. Евангеліе и Креспѣ, спояли незнакомецъ и красавица. Священникъ совершалъ брачный обрядъ.

Красавица молилась усердно. Женихъ споялъ, какъ бы окованный какою враждебной силой.

Вошъ ужъ надѣли на жениха и невѣсшу вѣнцы; Священникъ обвелъ при разѣ кругомѣ наоя и пошомѣ наконецъ

благословилъ сочешавшихся законнымъ бракомъ, и мужъ облобызаль супругу свою.

Раздался поцѣлуй сладкій, поцѣлуй, ведущій за собою милліоны поцѣлуевъ, и пишина ночи нарушилась. Мгновенно распался сводъ неба, хлынула молнія и громъ грянулъ надъ самымъ храмомъ. Я слышалъ, какъ выль вѣсперь въ разбишыхъ окнахъ, какъ дребезжали спекла, какъ колокола издавали глухой, помищельный гуль.

Видѣль, какъ измѣнилось лице супруги; видѣль, какъ препенсаль мужъ, выводя за руку прелесшную подругу и сажая въ карешу.

Кареша помчалась по большой Касимовской дорогѣ къ Москвѣ.

Я шакже за нею.

Вдругъ опяшь озлапилося небо. Опяшь грянулъ громъ, и лошади, испу-

ганныя прескомъ его, начали бить. Кучеръ не справился, упалъ съ козель. Лошади повернули въ лѣво къ лѣсу, и кареша бухнулась со всего лешу на землю. Мужъ - счаспливецъ вылепѣлъ изъ дверецъ и, ударившись о сосну, легъ мершвый. Спаруха шакже послѣдовала за нимъ. Одна красавица находилась въ карешѣ и кричала жалобно: помогите! Въ то же время лошади, запушавшись въ поспромкахъ, спали. Я подбѣжалъ къ карешѣ, освободилъ красавицу, и она препенущимъ голосомъ сказала: »Эпо вы, М. Г? Какъ васъ Богъ послалъ на помощь? Вы спасли меня, несчастную!« Она заплакала и упала ко мнѣ на грудь. Ея слезы канули мнѣ на лице, и я содрогнулся; и чпо же вы думаете? все мгновенно исчезло! Я сидѣлъ въ своей комнашѣ подлѣ окна. Голова моя покоилась на рукѣ.

Слезы, кошорья канули мнѣ на лице, за-

спавили меня проснушься и просшишься съ спрашнымъ и непріятнымъ снови-дѣніемъ.

Слава Богу, что все это случилось во снѣ, а не въ самомъ дѣлѣ! сказала я самъ себѣ, и подивился нѣсколько времени на странную игру разспроен-наго воображенія.

Предо мною сшоялъ сшоль, на споль лежала бумага, сшояла чернилица съ перомъ и нѣсколько листовъ бумаги.

Я, воспользовавшись пишиною ночи, принялся писать видѣнное мною во время мечпанія и во снѣ, и написалъ, прочишанную вами спашью: *Мечта* и *Сонъ*.

1836 года. Іюля 10.

КОЛДУНЪ - РАЗБОЙНИКЪ.

РАЗСКАЗЪ.

Не доѣзжая до Москвы верстъ двадцати, я принужденъ былъ шемною ночью и дурною погодою переночевать на посшояломъ дворѣ въ деревнѣ Хр.

Въ дверяхъ избы встрѣшилъ меня шарикъ. По его наружному виду мо-

жно было заключишь, что онъ уже давно жилъ на свѣшѣ; его лице было покрыто морщинами, голова осѣнялась сѣдыми, снѣжными волосами. Окладистая борода прикрывала его широкую, могучую грудь. Глаза однакожь были свѣшлы и ясны, и показывали добрыя качества почтеннаго спарца. Походка его довольно шверда, голосъ тихій, но вяшпный и пріашпный.

» Просимъ милоспи, родимый; шебя дорогой замочило. Эка погодушка! Раздѣвайся-ка, любезный. « Такъ говорилъ спарикъ хозяинъ, встрѣчая меня.

Я пошчасъ приказалъ посшавишь самоваръ и началъ разговаривашъ съ хозяиномъ. Нашъ разговоръ продолжался довольно долго; между прочимъ я упомянулъ спарику о Хрипанскомъ лѣсѣ, кошорый я шолько что проѣхалъ и о кошоромъ рассказывающъ много страшныхъ повѣсшей.

» Да, бояринъ, почно эпошь лѣсъ былъ спрашенъ шому назадъ лѣшь девяношо пяшь, когда я былъ парнишкой лѣшь двадцати, « сказалъ хозяинъ.

— Спало бышь шебѣ, дѣдушка, спо пшнадцаш лѣшь?

» Да, будешъ шакъ. Слава Богу! пожилъ на свѣшѣ. «

— Чѣмъ же былъ спрашенъ Хрипанскій лѣсъ?

» Тѣмъ, чшо черезъ него не было ни проходу, ни проѣзду. Въ глубинѣ его жилъ колдунъ-разбойникъ *Андрюшка Хрипушка*. Если хочешъ, я разскажу шебѣ его похождение, его наѣзды на окольные деревни, его грабительсшва и напоследокъ его смершь. Можешъ бышь, мой разсказъ будешъ великъ, шы соскучишься или захочешъ ошдохнуть послѣ дороги? «

— Нѣшъ, дѣдушка, разскажи пожа-

луйспа; я охопникъ слушапъ повѣспи, минувшаго времени.

» Если такъ, по слушай. «

Среди темнаго лѣса, въ глубокомъ оврагѣ, въ чершовомъ логовищѣ жилъ страшный колдунъ-разбойникъ— Андрюшка Хрипушка. Какого онъ былъ рода, никто шого не вѣдалъ; сколько лѣтъ онъ жилъ на бѣломъ свѣшѣ, также. Лицемъ онъ былъ не безобразень и даже хорошъ, красивъ, можешъ бытъ, и по сапанинскому навожденію. Не одна дѣвица красавица, его увидѣвши, начинала шосковать о немъ и пропадала безъ вѣспи. Говоряшъ, что черные коршуны прилетали спаницами къ шоскующей красавицѣ и уносили ее въ глушь лѣсную.

Андрюшка Хрипушка колдунъ и разбойникъ всегда спорожилъ при дорогѣ и нападалъ смѣло съ ножемъ въ одной, съ дубиною въ другой рукѣ на

проѣзжихъ и прохожихъ. Напрасны были спаранія шого, кшо хопѣль сопрошивляшьяся. Никакое оружіе, никакая сила не могла сдѣлать вредъ ему: колдовство и чародѣйство помогали ему.

Бывало, онъ одинъ, вооружившись ножемъ, дубиною и виншовкою, прихаживалъ въ окольные деревни *собирать оброкъ*, ш. е. плашу за то, чшо онъ не нападаетъ на крешьянъ и деревни. Кшо не хопѣль плашишь ему эшого оброку, шопъ разсчипывался ударами по спинѣ, копорыми награждалъ спрогій владѣлецъ—бояринъ.

Однажды его хопѣли было убишь: Нашли на него на соннаго мужиковъ съ двадцашъ, и одинъ изъ нихъ посмѣлѣе замахнулся было шопоромъ, чшобы опниашъ голову; но вдругъ шопоръ выпалъ изъ рукъ смѣлаго, и колдунъ проснулся; и шогда шакой спрахъ

овладѣль всѣми, что, прибѣжавши домой, они были какъ бы помѣшаны и долго, долго не могли придти въ себя.

Напрасно сосѣди и знакомые спарались узнать объ случившемся происшествіи съ ними: колдунъ опнялъ память у нихъ.

Таковъ-шо былъ Андрюшка Хрипушка—колдунъ и разбойникъ!

Однако, баринъ, скоро насупило ему время расплапиться съ жизнью.

Я былъ въ то время дѣшина лѣтъ двадцати, здоровый, сильный, красивый, какъ наливное яблочко. Красныя дѣвицы меня любили и часпо игрывали со мною; но одна изъ нихъ любила меня и игрывала со мною болѣе всѣхъ. То была дѣвушка лѣтъ шестнадцати, красавица собою и добрая, какъ лучшій другъ. Эту дѣвушку звали Аннушкой, и эша-ша Аннушка любила ме-

ня болѣе всего на свѣшѣ и назначена была шариками мнѣ въ жены.

Однажды моя Аннушка пошла къ обѣдни въ ближнее селеніе съ своею бабушкою. Я эшаго не вѣдалъ, попому чшо ошѣзжалъ по надобоспи изъ деревни, и возвращившись, пришелъ въ избу къ моей суженой, чшобы съ ней повидашься, но не нашель посреди семьи родимой моей любушки! Бабушка ея прибѣжала безъ памяши домой одна и на распросы опвѣчала: не знаю, куда дѣвалась Аннушка!

Я, узнавши объ эшомъ, споялъ долгое время, какъ окаменѣлый. Я не видалъ и не слыхаль ничего; мысль: не видашь Аннушки, не любовашься ея милымъ лицемъ, свѣшлыми глазами, шелковой русой косою, поразила меня!

»Не жишь мнѣ безъ Аннушки!« сказалъ я роднымъ своимъ, и попомъ про-

должалъ, какъ бы въ задумчивости: » я долженъ опыскашь ее, спаси или не жишь на свѣшѣ! «

— Чшо ты хочешь дѣлашь? — спрашиваль меня опець мой.

» Благословише. Я пойду искашь невѣсшу мою Аннушку! « говорилъ я.

— Гдѣ ты спанешь искашь? Спаруха Гавриловна не помнишь гдѣ ее оспавили, — говорилъ опець мой.

» Я догадываюсь, башюшка, кто похишилъ ее: Андрушка Хрипушка! «

— Избави Господь! Тогда и не называй ее своею.

» Опъ чего, башюшка. Я смѣло пойду въ лѣсъ на разбойника и спану вызывашь его на смершную драку. Не думай, чшобы онъ усшолять прошивъ моего оружія. Я осьню себя кресномъ, сошворю молишву и начну съ нимъ

бишву! Чшо задумаль, шо сдѣлаю. Благослови меня, бапюшка.

Такъ говорилъ я и опецъ далъ благословеніе.

Наканунъ роковаго дня я сходилъ въ церковь, исповѣдывался, опслужилъ молебень, и шакимъ образомъ пригоповилъ себя къ спрашному дѣлу, бышь можешъ и на смершь.

Рано упромъ вспаль я. Долго молился усердно образамъ, попомъ проспился съ родипелемъ и родными, и опправился въ дорогу.

Я вышелъ на большую дорогу и долго дожидался его; но онъ, какъ бы предчувсшвовалъ бѣду, не выходилъ.

Я пошелъ въ глушь лѣса по едва примѣшной дорогѣ; прошелъ я съ версшу; лѣсъ все спановился чаще и мрачнѣе. Лучи солнца едва могли проникашъ его. Лисицы, зайцы и другія

мѣлкія живошныя, испуганныя моимъ приходомъ, бѣжали въ разныя спороны.

Прошелъ я еще съ вершю. Примѣчаю, что лѣсъ начинаешъ рѣдѣшь; показываешся какъ бы полянка; въ самомъ дѣлѣ, я черезъ нѣсколько времени вышелъ къ глубокому оврагу. Эшошь оврагъ называешся Чершовымъ логовищемъ и опасенъ по причинѣ попкаго дна.

Осмошрѣвши хорошенько оврагъ, я замѣшилъ шпроу, проложенную къ избушкѣ, не большой, но хорошо поспроенной.

Перекрестившись, я началъ спускашъся въ оврагъ. Вдругъ залилась собака, и человекъ высокаго росла вышелъ изъ избы.

»Добро пожаловать, добрый молодецъ: Что скажешъ новаго? Да не зовушь ли тебя Федоромъ? « Такъ говорилъ Андрюшка.

— Да, такъ мое имя; но по чему ты угадалъ? — спросилъ я.

» Мало ли я еще знаю! У тебя пропала невѣсна, Аннушка? Правда ли, молодецъ? И ты ее опыскиваешь. Только не знаю, найдешь ли ее; она запрягана за придевять земель въ придесятое царство, « говорилъ разбойникъ, и лице его выражало дьявольскую радость.

Я содрогнулся, услыхавши такія вѣсти, и не зналъ, на что рѣшишься; но вдругъ я почувствовалъ въ себѣ необыкновенное мужество, силу, опважность и выпрѣлилъ изъ винтовки. Надобно замѣтить, что она была заряжена серебряною пулею, которую я вылилъ изъ серебрянаго рубля.

Выспрѣливши, я не вѣрилъ своимъ глазамъ. Спрашнй колдунъ капался на землѣ и изрыгалъ ужасныя руга-

шельства. Ужась обуяль меня; я трепешаль весь, какъ пресступникъ, и не зналь, на что рѣшишься. На послѣдокъ я зарядилъ виштовку пулей свинцовой и хошѣль было выстрѣлишь; но ружье шри раза осколась и выпало изъ рукъ моихъ. Въ эту минуту страхъ еще болѣе овладѣль мною. Я едва не упаль въ шинное дно оврага.

Но вдругъ я слышу слабый жалобный голось. Онъ проникнулъ въ мое сердце, и я рѣшился ийти на него. Онъ проиходилъ изъ избы. Я пошелъ къ ней. Андрюшка между тѣмъ продолжалъ кашаться и рисовашь кровавые круги.

— Давно тебѣ пора издохнушь, проклятый! Много ты сгубилъ народа; много пролишо слезъ передъ Богомъ о швоей гибели, и наконецъ она настала! Смерть близка; покаяся!

» Такому, какъ мнѣ, грѣшнику, нѣшь покаянiя! Я не молился во всю жизнь;

безполезно молишься при послѣднемъ издыханіи! Я прокляшь людьми; я сынъ дьявола, рабъ нечестья; пусть погибну!... Но ты, который являлся мнѣ во время моей жизни, предстань въ послѣдній разъ передо мною и покажи свое могущество! Явись теперь за моей душою! Молю тебя—исполни!»

Мгновенно глухой и опдаленный грохотъ разнесся по лѣсу; съ шумомъ зашатались столѣтнія деревья и скрипѣли на корняхъ своихъ. Поднялась вѣспаница вѣроновъ и коршуновъ, раздался ихъ дикій крикъ, и они начали вишься надъ избою разбойника, какъ бы видя падалъ. Грянулъ ужасный громъ, блеснула молнія и вершины деревьевъ озлашило разрушительное пламя.

Казалось, что всѣ ужасы ада предстали во всемъ величїи!

И среди такой бури я слышу

плачевный голосъ! Призвавши на помощь Бога, я перескочилъ черезъ умирающаго колдуна и вошелъ въ его избу. Предспавъ мое удивленіе! На сполѣ лежала моя Аннушка, привязанная за руки и ноги безжалоспнымъ разбойникомъ. Я приблизился къ ней и сказалъ ей радоспно: Аннушка!

Она вскрикнула опъ радоспи; я поспѣшно освободилъ ее и, взявши на руки, понесъ изъ избы—жилища дьявола! Колдуна на порогѣ не было.

Буря гуляла во всемъ раздольѣ. Сильный громъ безпреспанно раскапывался по поднебесью и оглашалъ близъ и даль.

Когда мы вышли изъ оврага, шо молнія ударила въ избу и мгновенно облила ее золошисшыми спруями.

Я съ Аннушкою, при помощи Бога, возврапился благополучно домой и рассказалъ все подробно всѣмъ знакомымъ.

И съ пѣхъ поръ пропаль разбойникъ. Многіе говоряшъ, чшо онъ являешся въ полночь и воешъ, какъ волкъ, надъ оврагомъ. Я самъ не видалъ и не слышалъ въ продолженіи девяносша пяпи лѣшъ.

Такъ кончилъ разсказъ почщенный спарикъ, за кошорый я поблагодариль его.

КОНЕЦЪ ТРЕТЕЙ ЧАСТИ.